

2. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. К вопросу о предмете социолингвистики. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
3. Филичева Н.И. Диалектология современного немецкого языка. – М., 1983. – 156 с.
4. Филичева Н.И. Немецкий литературный язык. – М., 1992. – 175 с.
5. Hermann–Winter R. Studien zur gesprochenen Sprache im Norden der DDR (Soziolinguistische Untersuchung im Kreis Greifswald). – Berlin: Akademie– Verlag, 1979. – 269 S.
6. Гухман М.М. Литературный язык // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М., 1970. – 284 стр.
7. Radtke I. Die Umgangssprache // Muttersprache. – Nr. 3, 1973. – 34–65 S.
8. Домашнев А.И. Концепция национального варианта литературного языка (Из опыта научного сотрудничества российских и украинских лингвистов) // Мови европейського культурного ареалу. Розвиток і взаємодія. – К.: Довіра, 1995. – С.136–150.
9. Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. – Материалы международной конференции (Москва, 22–25 октября 1996). – М., 1996. – 478 с.
10. Бухаров В.М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка. – Н.Новгород, 1995. – 138 с.
11. Löffler H. Probleme der Dialektologie. Eine Einführung. – Darmstadt, 1974. – 435 S.
12. Schenker W. Schweizerdeutsch als Model. Zum Terminus Dialekt. – Wirkendes Wort. – H. 2. – 1973. – 67–87 S.
13. Wiesinger P. Die Entwicklung des Verhältnisses von Mundart und Standardsprache in Österreich // Sprachgeschichte. – Hrsg. Von W.Besch, O.Reichmann. – Berlin, New York, 1984. – 354–365 S.
14. Taeldeman J. Linguistic Sex Differentiation in Flanders // W. Viereck, ed. 1995. Proceedings of the International Congress of Dialectologists. Bamberg, 29.07.1990 – 04.08.1990. – Vol. 4. – Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. – Beiheft 77, Stuttgart, 1995.
15. Jacobs L. Kennis en gebruik van de Nederlandse taalvarieteiten bij R. U. G. – studenten., 1990. – 234 p.
16. Erregat K. Taalgebruik, taalattitudes en taalgedrag in Ronse. Unpubl. lic. thesis R. U. G., 1988.; Van den Meersschaut N. Taalgebruik, taalattitudes en lexicale standaard in Assenede en Westdorpe., 1989.
17. Goossens J. Deutsche Dialektologie. – Walter de Gruyter, Berlin, New York, 1977. – 576 S.

Кислицына Н.Н.

К ВОПРОСУ ОБ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СКОРОПИСИ

Межъязыковой перевод подразделяется на два основных вида – письменный и устный. Устный перевод, в свою очередь, выделяет в качестве отдельных направлений синхронный перевод и последовательный перевод.

Устный последовательный перевод (УПП) представляет собой такой способ речевой деятельности, при котором «переводчик начинает переводить после того, как оратор перестал говорить, закончив свою речь или часть ее» [3, с. 289]. Особенности УПП обуславливаются спецификой исходного сообщения – продуктивной устной речью, предназначенной для одноразового восприятия. Результаты исследования, представленные Р.К.Миньяром–Белоручевым, свидетельствуют о том, что основной единицей, воспринимаемой при УПП, является слово [3, с. 301]. Оно создает смысловую опору высказывания, а успех аудирования исходного текста и его последующего перевода во многом зависит от умения выделить главные и важные смысловые единицы. Эти разнообразные единицы характеризуются рядом свойств, которые могут как облегчать запоминание текста (общие фоновые знания), так и значительно его усложнять (прецизионные слова).

Целью данной статьи является раскрытие природы закономерностей, а также описание основных свойств и правил универсальной переводческой скорописи.

Относительную гарантию полного и точного перевода исходной информации дает умение быстро фиксировать в письменной форме наиболее сложные моменты (имена собственные, географические наименования, даты, числовые данные и др.) Для этого используется специальная универсальная переводческая скоропись (УПС), владение которой является необходимым навыком последовательного переводчика [1, с. 116].

Основной функцией УПС является вспомогательная: УПС помогает удержать необходимую информацию в кратковременной памяти (при одновременном обдумывании перевода) с последующим, почти ментальным, воспроизведением.

Наиболее близкими к УПС формами краткой письменной фиксации информации являются *стенография* и *тезисы*. В отличие от стенографии, которая фиксирует не мысли, а слова, УПС служит для записи понятий и основных смыслов. Отличие УПС от тезисов заключается в том, что УПС более связано и логично отражает суть интерпретируемой информации.

УПС индивидуальна для каждого пользователя, но имеет ряд общих свойств. Как любая система, способствующая совершенствованию и оптимизации определенного процесса (процесса перевода), УПС опирается на ряд основных правил, среди которых следует выделить следующие:

- 1) использование специальных символов;
- 2) использование аббревиатур;
- 3) использование сокращенной буквенной записи;
- 4) вертикальное расположение записи.

Специальные символы представляют собой в целом общеизвестные, легко запоминаемые, удобные для записи и поддающиеся мгновенной “расшифровке” знаки. Они могут быть заимствованы из различных наук. Например, химический знак H_2O может использоваться для обозначения водных ресурсов, запасов питьевой воды и т.д.; математические знаки $<$, $=$, $>$ обозначают, соответственно, увеличение, равенство, уменьшение; знаки пунктуации $!$, $?$ – важность сообщения и сомнение соответственно. Логические связи отражаются в УПС при помощи стрелок. Модальные отношения – при помощи буквенных символов: m – возможность, d – долженствование, n – необходимость и т.д. Многие символы являются нестандартными, изобретенными «на ходу». Эти окказионализмы составляют индивидуальную, в какой-то степени уникальную сторону УПС.

Использование аббревиатур также сводится к употреблению, с одной стороны, общепринятых сокращений, содержащихся в словарях и справочниках: ВВП, ЧП, СНГ, НАТО, US, TESOL и т.д., с другой стороны – собственных, созданных в рабочем порядке.

Использование сокращенной буквенной записи предполагает такую запись слов, при которой «опускаются»:

- гласные из середины слова, содержащего более четырех букв;
- окончания значимых слов (в отдельных случаях они могут записываться в виде верхнего индекса);
- одна из двойных согласных;
- некоторые согласные в длинных словах.

Вертикальное расположение записи является результатом селекции наиболее существенной информации и, одновременно, своеобразной синтаксической трансформацией, служащей основой для последующего перевода. В соответствии с правилами УПС главные и второстепенные члены предложения (подлежащее, сказуемое, дополнение) располагаются в столбик, образуя своеобразную синтаксическую парадигму: в первой колонке располагаются необходимые и достаточные слова группы подлежащего первого и всех последующих предложений. Во второй колонке ступенчато-диагонально располагаются слова группы сказуемого. В третьей колонке – прямое (косвенное) дополнение и т.д.

Закрепление постоянных мест за основными членами предложения позволяет мгновенно сориентироваться при трансформации исходного текста в текст перевода. При этом переводчик перед письменной фиксацией наиболее важной информации мысленно претворяет ее в образы и представления, соответствующие языковым единицам исходного языка (ИЯ) и языка перевода (ПЯ). Таким образом, письменная фиксация (символы, знаки, аббревиатуры, сокращенная буквенная запись) и сам порядок организации записи (вертикально-ступенчатый) являются элементами языка-посредника, нейтрального абстрактного языка, который переводчик собственно и переводит. ИЯ выступает как язык-объект, который кодируется с помощью УПС, а затем перекодируется в ПЯ. В этих переводческих записях ИЯ разрушается до той «нулевой точки», с которой возможен синтез смысла сообщения в формах ПЯ. Именно поэтому и процесс, и результат работы последовательного переводчика чаще называют не переводом, а *интерпретацией*.

Как отмечает С.О. Швачко, УПС “...is not an artificial language or code invented by someone to make an interpreter’s life easier and the student’s life harder” [5, с. 26]. Система УПС возникла спонтанно, как практическая необходимость моментально зафиксировать смысл сказанного для последующего моментального же воспроизведения.

Анализ переводческих записей показывает, что, несмотря на различия в каждом конкретном случае, выявляются общие закономерности. В данной статье мы хотели бы подробнее остановиться на принципе использования одного из основных правил, перечисленных нами ранее, а именно использовании специальных символов.

Специальные символы УПС представляют особый интерес, так как исследование их формирования выходит за рамки языкознания и носит междисциплинарный характер, опираясь на данные, полученные в области психолингвистики, когнитивной лингвистики, социолингвистики и других наук.

Символ – это «понятие, фиксирующее способность материальных вещей, событий, чувственных образов выражать ... идеальные содержания, отличные от их непосредственного чувственно-телесного бытия. ... Символ есть не только наименование какой-либо отдельной части, он схватывает связь этой части с множеством других, ... подводя их к некоторой единой универсалии» [2, с. 899]. Символ УПС репрезентирует не столько отдельный объект или явление, сколько фрагмент мыслительного процесса переводчика в определенный момент, привязанный к определенной ситуации, что и позволяет удержать в памяти и проинтерпретировать значительную часть сказанного. Интерпретация в данном случае является работой мышления, сводимой к выявлению значения, заключенного в образе условного знака. Существует мнение, что форма условных знаков или символов обуславливается «сходством явлений жизни» [4, с. 203], а так же противоположное мнение о том, что «в существование символа не входит похожесть» [2, с. 900], а символ остается символом, поскольку вместе с обозначаемым образует оппозицию, члены которой «противоположны, и именно поэтому являются символами друг друга» [2, с. 900]. На наш взгляд существование противоположных мнений связано с разнообразием форм символов. В качестве символа может, например, выступать пиктограмма – условный рисунок с изображением каких-либо действий, событий, предметов. Пиктограмма может быть “расшифрована” с той или иной степенью уверенности, поскольку она иконична. Изображения же отношений, действий, модальных предикатов обречены на высокий уровень абстрактности и условности, исключающий возможность быстро «вычислить» смысл используемых знаков.

Безусловно, многие универсальные символы УПС не являются изобретением переводчиков. УПС как профессиональный навык последовательного переводчика возникла и формировалась в период первой и второй мировых войн, а изучением сущности символов занимались еще античные философы.

Кроме того, использование символов как особого вида записи информации используется в разных областях человеческой жизнедеятельности. Наиболее близким к нашей теме является использование блисс-символов. В 1971 году было зарегистрировано Blissymbolics Communication International (BCI) – общество, которое взяло на себя ответственность за совершенствование, систематизацию и распространение языка блисс-символов, названного так в честь Чарльза Бласса (1897–1985), который в 1949 году издал книгу по семантографии. Новый язык, по мнению его создателей, был предназначен для расширения возможностей коммуникации в поликультурной среде и рассматривался ими как международный язык. Этот базовый принцип сближает УПС и язык блисс-символов. В качестве слов блисс-языка используются символы, которые соотносятся с понятиями. Активный вокабуляр данного языка составляет около 100 слов (хотя из вышеупомянутой семантографии было заимствовано около 900 слов). Данные характеристики также позволяют увидеть сходство блисс-языка и УПС.

Ниже предлагается таблица, наглядно демонстрирующая сходство некоторых символов УПС и блисс-языка, которое обусловлено общими принципами человеческого мышления:

Таблица 1. Изображения фрагментов смысла

№	УПС	Blissymbolic Language
1.	m – возможность	m – модальность
2.	Предикативные символы: 	Символы ориентации:
3.	Деньги: 	Деньги:
4.	Президент: 	Взрослый человек:

Как представляется автору статьи, преподавателям и студентам, занимающимся практикой устного последовательного перевода, будет полезно ознакомиться со структурой языка блисс-символов и, возможно, позаимствовать наиболее приемлемые, с точки зрения профессионального переводчика, символы.

Источники и литература:

1. Латышев Л.К., Проворотов В.И. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе.: Учебно-методическое пособие. – М.: НВИ–ТЕЗАУРУС, 2001. – 136 с.
2. Новейший философский словарь. Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – 1280 с.
3. Сдобников В. В. Теория перевода. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. – 448 с.
4. Словарь литературоведческих терминов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2002. – 320 с.
5. Швачко С.О. Проблеми синхронного перекладу. Навчальний посібник. – Вінниця: Фоліант, 2004. – 112 с.

Храбскова Д.М.

РОЗМЕЖУВАННЯ ПОНЯТЬ «ЗВУК МОВИ» І «ЗВУК МОВЛЕННЯ» У МЕТОДИЦІ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ ТЕОРІЇ ФОНЕМ

У ХХ ст. відбувається суттєве оновлення підходів та методів лінгвістичних досліджень. Настає час структурного мовознавства та польових експериментів. Лінгвістика виходить із «кабінетів», щоб зосередити увагу на «живій мові» – мовленні, на її безпосередньому носії – мовці. Проблема окреслення понять «мова» і «мовлення» (*langue et parole*) стає однією з першорядних при розв'язанні питань як теоретичного, так і прикладного мовознавства: що є первинним, як співвідносяться ці два явища дійсності і чи є вони взагалі чимось реальним або існують лише у людській уяві, з чим на практиці має справу дослідник-лінгвіст? Поставлені питання і дотепер є *актуальними* при вивченні структурних зв'язків та складових одиниць кожного з рівнів мовної системи. Будь-яка сучасна лінгвістична теорія зауважує на розмежуванні понять «мова» і «мовлення», котрі вперше систематизував та обґрунтував Ф. де Соссюр [9]. Слід додати, що питання співвідношення оговорюваних феноменів ще раніше було порушеним В. фон Гумбольдтом [12], Г.Штейнталем [13], І.О.Бодуеном де Куртене [2]. Проте, саме робота Ф. де Соссюра привернула увагу наукових кіл, оскільки швейцарський мовознавець поклав дихотомію «мова» / «мовлення» в основу всієї своєї загальнолінгвістичної теорії. Мовлення, за цією теорією, є «індивідуальним актом волі та розуміння, в якому слід розрізняти: